Ермак с повинную у Ивана Грозного

Уральская область.

Шатался, мотался Ермак, сын Тимофеевич,
Он шатался, мотался по чисту полю,
По чисту полю, Ермак, да по синю морю,
Разбивал же, Ермак, все бусы-корабли:
Татарские, армянские, басурманские,
А и больше того — корабли осударевы!
Осударевы кораблики без приметушек,
Да без царского они без ербычка.
Возговорил Ермак, сын Тимофеевич:
«Ой вы, гой еси, мои братья-товарищи.
Вы морские, удалые разбойнички!
Еще где мы зиму зимовать будем?
Нам на Волге жить, братцы, все ворами слыть,
На Яик идти — переход велик.
Идти ль нам, не идти — на Иртыш-реку:
Мы с Иртыш-реки возьмем Тобол-город,
Тобол-город возьмем белой грудию,
Белой грудию возьмем, без свинца, без пороха,
Без свинца, без пороха, с камчатной одной плеткою,
И поедем мы к царю с повинною,
Поведем ему свои буйны головы,
Во правой руке повезем топор-плаху».
Ермак Тимофеевич ловил себе добра́ коня,
Добра коня, что ни лучшего,
Добра коня, богатырского.
Надеваил на него узду тесьмянную,
Накладывал потнички белы-бумажные,
Накидывал седелице черкасское,
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых,
Не для красы — для крепости.
Садился-де Ермак на добра́ коня,
На добра́ коня, Ермак, на иноходого.
Передом едет Ермак, сын Тимофеевич,

Уж он едет, едет потихохоньку,
Уж он едет, едет посмирнехоньку;
Подъезжает он к широку дворцу,
К широку дворцу, да ко царскому;
Ко крылечку подъехал ко крашенному.
Как слез Ермак со добра́ коня
И пошел Ермак в царския палатушки.
Уж идет-де он без докладушек,
Идет Ермак потихохоньку, посмирнехоньку.
Как вошел Ермак во палатушки,
Во светлыя царски залушки,
Возговорил Ермак, сын Тимофеевич:
«Здорово ты, наш батюшка, православный царь,
Православный царь ты, Иван Васильевич
Со своими князьями и боярами!
Узнаешь ли Ермака ты, сына Тимофеевича?
Я приехал к тебе со повинною,
Привез тебе свою буйну голову,
Во правой руке — топор-плаху.
Я шатался, я мотался по чисту полю,
По чисту полю, по синю морю,
Разбивал я, Ермак, бусы-корабли:
И татарские, и армянские, и басурманские,
А и больше твои, осударевы,
Осударевы кораблики без приметушек,
Да без царскиих они без ербычков».
Возговорил наш батюшка, православный Царь:
«Уж вы, гой еси, мои князья-бояры,
И вы, думчие мои сенаторушки.
Еще что нам с Ермаком будет делати?
Иль казнить его, или вешати,
Иль во всех винах его простити?
Иль велеть ему Казань, Астрахань взять?»
Возговорит-де один боярин-то,
И старший думчий-сенаторушка :
«Ой ты, гой еси, батюшка, православный царь!
Еще мало нам Ермака казнить-вешати».
Тут возговорит Ермак, сын Тимофеевич:
«Ой ты, гой еси, ты врешь, собака!

Без суда, без допроса хочешь Ермака вешати!»
Богатырская сила в нем разгоралася,
Богатырская кровь в нем подымалася,
Вынимал он из колчана саблю вострую,
Он срубил, смахнул боярину буйну голову;
Буйная его головушка от плеч отвалилася,
Да по царскиим залушкам покатилася.
А и царская картина перменилася,
А и думские сенаторы испугалися
И по царским залам разбежалися.
Возговорил наш батюшка, православный царь:
«Ермак во беде сидит, бедой кутит,
Еще что нам над Ермаком делати?»
Ни один князь ответу не дал;
Во всех винах прощал его
И только Казань, да Астрахань взять велел…

(Перепечатана из «Библиотеки для чтения», 1861 г. № 3, в «Сборнике Уральских казачьих песен» Н. Г. Мякушина, С.-Пб. 1890 г. Отд. II, стр. 25-27)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.